Однажды Гоголь...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В. А. Воропаев, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета, автор многочисленных работ о жизни и творчестве Н. В. Гоголя, представляет вниманию читателей книгу, написанную на основе воспоминаний школьных товарищей и друзей Николая Васильевича. Эти небольшие, но емкие истории, расположенные в хронологическом порядке – в соответствии с этапами биографии писателя, – дают возможность войти в мир Гоголя. Читатели узнают много нового: например, каким был Николай Васильевич в детстве и отрочестве, как он работал над своими произведениями, как молился и постился, совершал паломничества по святым местам.

- Владимир Воропаев
  -
  - Вместо предисловия
  - Испрошенный молитвой матери
  - Как баба кисель варила
  - Маленький стихотворец
  - Талант, не узнанный школой
  - Театральная дуэль
  - Гоголь в роли г-жи Простаковой
  - Таинственный Карла
  - Поклон его превосходительству
  - У кого лучше вышло
  - Любовь к церковному пению
  - «И Гоголь тож»
  - «Сочтите за мной»
  - Похороны Македонского
  - Библиотекарь
  - Как Гоголь проучил хвастуна
  - Школьные проказы
  - Как Гоголь притворился сумасшедшим
  - Бычачьи глаза
  - Оба соврали
  - Литературный дебют
  - Как работал Гоголь
  - «Творить без любви нельзя»
  - Под гром бильярдных шаров
  - Гоголь и дети
  - Соловьиная тайна

- Будьте как дети
- Пряники из мыла
- Сапоги Гоголя
- Лепажевское ружье
- Роскошный портфель
- Гоголь в Испании
- О Пушкине
- Почему Гоголь сжег дневник
- Русский Иерусалим
- О Тарасе Шевченко
- Русская душа
- Вареники по-украински
- Гоголь и крестьяне
- Как молился Гоголь
- Молебен о здравии
- Гоголь и Евангелие
- «Кажется, был когда-то Гоголем»
- Как постился Гоголь
- О пользе поста
- Звезда на горизонте христианства
- Образ Николая Чудотворца
- Мертвое море
- После Иерусалима
- Мощи святого Спиридона Тримифунтского
- О понимании природы души
- Поселиться в скиту…
- «Ищите Царствия Божия»
- Дурной помысел
- О церковнославянском языке
- «Ближе к родине небесной»
- О патриотизме
- Последнее свидание
- Начала аскезы
- Ядовитое лекарство
- Был ли Гоголь отравлен?
- Забота о ближнем
- Последнее напутствие
- У Престола Господня
- Рубцов и Гоголь

Владимир Воропаев
Однажды Гоголь… Рассказы из жизни писателя

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р14–411–1209

© Издательство Московской Патриархии Русской

Православной Церкви, 2014
© Воропаев В. А., текст, 2014
© Сацкий П. С., иллюстрации, 2014

Вместо предисловия

Гоголь однажды сказал, что человек со временем становится тем, чем был смолоду. А каким был он сам в детстве и отрочестве? О школьных годах Гоголя, времени его пребывания в Гимназии высших наук в Нежине, сохранилось немало воспоминаний его школьных товарищей. Существует мнение, что Гоголь обратился в своем творчестве к духовным темам лишь в зрелые годы жизни. Но, по воспоминаниям его соучеников, он уже в школе прекрасно знал весь ход Божественной службы, а однажды, недовольный плохим пением на клиросе, поднялся туда и стал петь с хором, тщательно произнося слова молитв. Впрочем, разных интересных случаев было много в отрочестве и дальнейшей жизни Гоголя. Эти короткие истории передают своеобразие внутреннего мира великого русского писателя.

Испрошенный молитвой матери

Мать Гоголя, Мария Ивановна, у которой двое детей умерло, едва появившись на свет, дала обет перед чудотворным образом святителя Николая, называемым Диканьским, если будет у нее сын, наречь его Николаем, и просила местного священника молиться до тех пор, пока его не известят о рождении дитяти и попросят отслужить благодарственный молебен. Испрошенный молитвой, новорожденный Николай и был встречен в этом мире молитвой благодарения Богу. По словам сестры писателя Ольги Васильевны Гоголь-Головни, брат ее любил вспоминать, почему его назвали Николаем.

Как баба кисель варила

Первые деньги, данные дедушкой Иваном Матвеевичем, юный Гоголь употребил на вспомоществование бедным и угощение конфетами семьи.

Маленький Николай Васильевич любил петь малороссийскую песню, ясно выговаривая каждое слово и за дверью, чтобы никто не видел:

Баба кисель варила,
На морозе цедила…

В свободное время Никоша (как звали его дома) любил рисовать. Опрокинет чернильницу, и из чернил выйдет мужик в шляпе. Еще не умел читать, а на географической карте указывал все города.

Маленький стихотворец

Пяти лет от роду Гоголь вздумал сочинять стихи. Никто из домашних не помнил, какого рода стихи он писал. Но в памяти Марии Ивановны сохранился случай, когда известный литератор Василий Капнист, заехав однажды к отцу Гоголя, застал его пятилетнего сына за пером. Малютка Гоголь сидел за столом, глубокомысленно задумавшись над каким-то сочинением. Капнисту удалось просьбами и ласками уговорить ребенка-писателя прочесть свое произведение. Гоголь отвел Капниста в другую комнату и там прочел ему стихи. Капнист никому не сообщил о содержании этих стихов. Глубоко тронутый услышанным, он вышел к домашним Гоголя, лаская и обнимая маленького сочинителя, и сказал: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина».

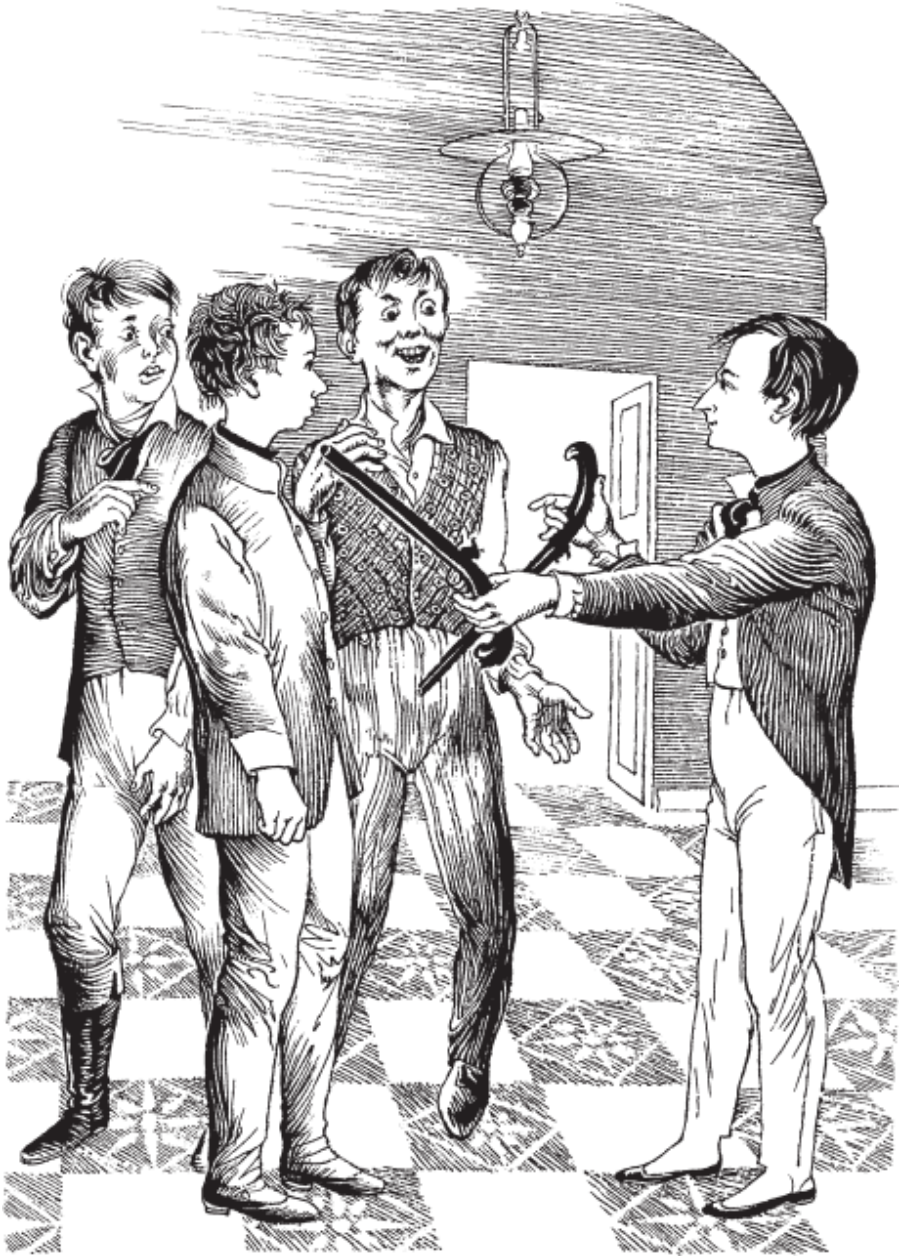
Талант, не узнанный школой

В Нежинской гимназии Гоголь держался особняком и не отличался особенным прилежанием. Учитель латинского языка Иван Григорьевич Кулжинский, единственный педагог, оставивший о Гоголе воспоминания, сообщает, что он учился у него три года и ничему не научился. Во время занятий Гоголь всегда, бывало, держал под скамьей какую-нибудь книгу и читал. «Это был талант, не узнанный школой и, ежели правду сказать, не хотевший или не умевший признаться школе».

Товарищи Гоголя были невысокого мнения о его литературных способностях, особенно в области прозы. «В стихах упражняйся, – советовали ему, – а прозой не пиши: очень уж глупо выходит у тебя. Беллетрист из тебя не вытанцуется, это сейчас видно».

Театральная дуэль

Ученики жертвовали в театральный гардероб кто что мог. Между прочим, была пожертвована кем-то пара старых заржавленных пистолетов, замечательная по следующему случаю. Однажды перед самым представлением «Недоросля» Гоголь как-то задел своей шуткой Константина Базили. Тот вспыхнул и отказался играть, а играл он роль Стародума. Ну как без Стародума начинать спектакль? Гоголь сделал вид, что вышел из себя; в притворном негодовании он вызвал товарища на дуэль и подал ему театральные пистолеты без курков. Базили рассмеялся и стал играть.



Гоголь в роли г-жи Простаковой

Зато в театральных представлениях Гоголю как актеру не было равного. «Все мы думали тогда, – вспоминал один из воспитанников гимназии, Тимофей Пащенко, – что Гоголь поступит на сцену, потому что у него был громадный талант и все данные для игры на сцене…» Особенным успехом Гоголь пользовался в роли госпожи Простаковой из фонвизинского «Недоросля». Константин Базили рассказывал впоследствии, что видел эту пьесу в Москве и в Петербурге, но сохранил навсегда убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний Гоголь.

Таинственный Карла

Один из ближайших школьных друзей Гоголя, Александр Данилевский, вспоминал: «В Нежине товарищи его любили, но называли: *Таинственный Карла*. Он относился к товарищам саркастически, любил посмеяться и давал прозвища». Прозвище Таинственный Карла произошло от названия романа английского писателя Вальтера Скотта, названного в русском переводе 1824 года «Таинственный Карло» (в оригинале – «Черный карлик»). Характер этого героя – причудливая смесь притворной мрачности и искренней, скрываемой под маской холодности любви к людям.

Эти свойства видятся в отзыве, данном Гоголю матерью. Мария Ивановна сразу после смерти сына писала о нем: «Сердце этого ангела было полно нежнейших чувств, которые он скрывал, не знаю почему, под угрюмой наружностью и никому не любил показывать их». В своих воспоминаниях о сыне она снова говорит об этой черте его характера: «Он имел самое чувствительное сердце и стремился как только мог скрыть эту нежность его души, желал показывать себя противуположным этому прекрасному чувству и оттого казался скрытным; он любил всеми силами души своих товарищей…»

Об этом же говорили и школьные приятели Гоголя. Один из них, Василий Любич-Романович, вспоминал: «Вообще он, бывая в обществе, ходил с опущенной головой и ни на кого не глядел. Это придавало ему вид человека, глубоко занятого чем-то, или сурового субъекта, пренебрегавшего всеми людьми. Но в общем он не был зол, напротив, его душа всегда была отзывчива к ближнему».

Внутренний мир Гоголя-юноши оставался закрытым от сверстников, а те незначительные проявления его в обыденной жизни, которые они наблюдали, не давали представления о нем. Тот же Любич-Романович запомнил Гоголя скрытным, застенчивым, молчаливым, погруженным в самого себя. Он мало говорил, предпочитая больше слушать и молчать. По словам мемуариста, эта привычка к уединенной жизни была заметна в Гоголе еще с детского возраста, когда он воспитывался в родном имении, окруженный людьми богобоязненными и религиозными. Выражая общее мнение людей, знавших Гоголя со школьной скамьи, Любич-Романович утверждал, что, если бы не преждевременная смерть Николая Васильевича, он закончил бы дни своей земной жизни в монастыре, где дух поэта обрел бы покой и уединение, которых всегда искал…

Поклон его превосходительству

Нестор Кукольник, нежинский соученик Гоголя, рассказывал, что у директора гимназии Ивана Семеновича Орлая в Полтавской губернии, в Миргородском уезде, было маленькое имение, при котором состояло всего шесть душ. Имение это находилось по соседству с деревней матери Гоголя. С этим обстоятельством связан следующий забавный случай. Иван Семенович не жаловал, если ученики во время занятий оставляли классы и прогуливались по коридорам, а Гоголь любил такие прогулки, и потому немудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходил сухим из воды при помощи одной и той же проделки. Завидя Ивана Семеновича издали, он не прятался, шел прямо к нему навстречу, раскланивался и докладывал: «Ваше превосходительство! Я сейчас получил от матушки письмо. Она поручила засвидетельствовать вашему превосходительству усерднейший поклон и донести, что по вашему имению идет все очень хорошо». – «Душевно благодарю! Будете писать к матушке, не забудьте поклониться и от меня и поблагодарить». Таков был обыкновенный ответ Ивана Семеновича, и Гоголь безнаказанно продолжал свою прогулку по коридорам.

У кого лучше вышло

В Нежинской гимназии профессор словесности Парфений Никольский заставлял учеников сочинять стихи. На одном уроке Гоголь подал ему стихотворение Пушкина, кажется, «Пророк». Никольский прочел, поморщился и по привычке своей начал переделывать. Когда пушкинский стих профессором был вконец изуродован и возвращен мнимому автору с внушением, что так плохо писать стыдно, Гоголь не выдержал и сказал: «Да ведь это не мои стихи-то». – «А чьи?» – «Пушкина. Я нарочно вам их подсунул, потому что никак и ничем вам не угодить, а вы вон даже и его переделали». – «Ну что ты понимаешь! – воскликнул профессор. – Да разве Пушкин безграмотно не может писать? Вот тебе явное доказательство. Вникни-ка, у кого лучше вышло».

Любовь к церковному пению

Василий Любич-Романович вспоминал, что в церкви Гоголь молитвы слушал со вниманием, иногда даже повторял их нараспев, как бы служа сам себе отдельную Божественную литургию. Как-то раз Гоголь, недовольный пением, поднялся на клирос и стал подпевать хору, ясно произнося слова молитв. Но священник, услыхавший незнакомый голос, выглянул из алтаря и, увидев постороннего, велел ему удалиться.

«И Гоголь тож»

В гимназии Гоголь и между товарищами, и по официальным документам назывался Яновским. Нестор Кукольник вспоминал, как однажды, уже в Петербурге, один из приятелей спросил Гоголя: «С чего ты это переменил фамилию?» – «И не думал». – «Да ведь ты Яновский». – «И Гоголь тож». – «Да что значит гоголь?» – «Селезень», – отвечал Гоголь сухо и свернул разговор на другую материю.

«Сочтите за мной»

По рассказам нежинских соучеников, Гоголь еще в школьные годы никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, и если нечего было дать, то всегда говорил: «Извините». Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки. На ее слова «Подайте Христа ради» он ответил: «Сочтите за мной». И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, он подал ей вдвойне, добавив при этом: «Тут и долг мой».

Похороны Македонского

Однажды на уроке учитель всеобщей истории с большим жаром рассказывал про подвиги Александра Македонского и, заключив смертью, сказал: «Ну, господин Гоголь-Яновский, а по смерти Александра Македонского что последовало?» – «Похороны», – ответил тот. Весь класс захохотал вместе с учителем.

Библиотекарь

В гимназии Гоголь известен был как хранитель книг, выписываемых в складчину. Пантелеимон Кулиш, первый биограф писателя, рассказывал со слов его соучеников, что книги выдавались библиотекарем по очереди. Получивший для прочтения книгу должен был в присутствии Гоголя усесться чинно на скамейку в классной зале на указанном ему месте и не вставать до тех пор, пока не возвратит книги. Этого мало: библиотекарь собственноручно завертывал в бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю и тогда только вверял ему книгу. Гоголь берег книги как драгоценность и особенно любил миниатюрные издания.

Как Гоголь проучил хвастуна

Был между гимназистами ученик, который весьма часто хвастал перед ними имениями своего отца, хотя все знали, что это неправда. Хвастовство это надоело всем, но никто не решался унять товарища. Однажды во время подобного хвастовства, в самом его разгаре, Гоголь вынул из кармана малороссийскую дудочку и вдруг просвистел посреди товарищей. Все расхохотались. Хвастун замолчал, покраснел, заплакал, и с той поры прекратилось его хвастовство.

Школьные проказы

Однокашник Гоголя по гимназии Иван Сушков рассказывал как-то за обедом у своего дяди, московского литератора Николая Васильевича Сушкова: «Никто не думал из нас, чтобы Гоголь мог быть когда-либо писателем даже посредственным, потому что он известен был в лицее за самого нерадивого и обыкновенного слушателя и отличался больше жартами (*шутками*), которыми часто заставлял всех товарищей хохотать до беспамятства. Довольно бывало ему сказать одно слово, сделать одно движение, чтобы все в классе, как бешеные или сумасшедшие, захохотали в одно горло, даже при учителе, директоре… Он же оставался как ни в чем не бывало: спокоен и важен. Пока не знали причин нашего смеха, обыкновенно наказывали нас за него тем, что мы должны были, провинившись, стоять, а он один сидеть; но когда нам наскучило это и мы объявили, в чем дело, уже один он стоял, а мы сидели».

Как Гоголь притворился сумасшедшим

В Нежинской гимназии хотя и редко, но применялись телесные наказания. Нестор Кукольник вспоминал, как однажды, еще в нижних классах, Гоголь чем-то провинился и, чтобы избежать наказания, притворился сумасшедшим. «Плохо, брат! – сказал ему кто-то из товарищей. – Высекут!» – «Завтра!» – отвечал Гоголь. Но приговор утвержден, явились классные надзиратели. Вдруг Гоголь вскрикивает так пронзительно, что все пугаются, и… сходит с ума. Подымается суматоха. Гоголя ведут в больницу.

Директор гимназии Иван Семенович Орлай дважды в день навещает его. Гоголя лечат, друзья ходят к нему в больницу тайком и возвращаются с грустью: помешался, решительно помешался! Словом, до того искусно притворился, что все были убеждены в его помешательстве.

И когда после двух недель успешного лечения его выпустили из больницы, приятели долго еще поглядывали на него с сомнением и опасением.

Бычачьи глаза

Тимофей Пащенко вспоминал, что в гимназии у них был товарищ, Михаил Риттер, – большого роста, чрезвычайно мнительный и легковерный юноша. У него был свой лакей, старик Семен. Гоголя заинтересовала чрезмерная мнительность товарища, и он выкинул с ним такую штуку. «Знаешь, Риттер, – сказал он, – давно я наблюдал за тобою и заметил, что у тебя не человечьи, а бычачьи глаза. Но все сомневался и не хотел говорить тебе, а теперь вижу, что это несомненная истина». Товарищ подходит несколько раз к зеркалу, пристально всматривается, изменяется в лице, а Гоголь приводит всевозможные доводы и наконец совершенно уверяет его, что у него бычачьи глаза.

Дело было к ночи. Лег несчастный Риттер в постель, не спит, ворочается, тяжело вздыхает, и все представляются ему собственные бычачьи глаза. Ночью он вдруг вскакивает с постели, будит лакея и просит зажечь свечу. «Видишь, Семен, – спрашивает он, – у меня бычачьи глаза?» Подговоренный Гоголем лакей отвечает: «И впрямь, барин, у вас бычачьи глаза!» Риттер окончательно растерялся и упал духом. «Ах, Боже мой! Это Гоголь сделал такое наваждение!»

Вдруг поутру суматоха. «Что такое?» – «Риттер сошел с ума! Помешался на том, что у него бычачьи глаза!» – «Я еще вчера заметил это», – говорит Гоголь с такою уверенностью, что трудно было не поверить. Бегут и докладывают о несчастье директору Орлаю, а вслед является и сам Риттер и горько плачет: «Ваше превосходительство! У меня бычачьи глаза!» Ученейший и знаменитейший доктор медицины Иван Семенович Орлай флегматично нюхает табак и, видя, что ученик действительно рехнулся, приказывает отвести его в больницу. И повели бедного Риттера в больницу, в которой он пробыл целую неделю, пока не излечился от мнимого сумасшествия и мнительности.

Оба соврали

Однажды Гоголь, прогуливаясь по аллеям лицейского сада, толкнул плечом одного из воспитанников, на что тот сказал ему: «Дурак!» – «Ну, ты умный, – ответил Гоголь, – и оба мы соврали…»

Литературный дебют

В декабре 1828 года Гоголь вместе со своим школьным товарищем Александром Данилевским прибыл в Петербург. С собой он привез поэму «Ганц Кюхельгартен», написанную, как сказано на заглавном листе, в 1827 году. Гоголь скрыл свое раннее произведение под псевдонимом В. Алов. Напечатал его на собственный счет и раздал экземпляры книгопродавцам на комиссию. Он тогда жил со своим земляком и соучеником по гимназии Николаем Прокоповичем, который один и знал, откуда взялся «Ганц Кюхельгартен». Для других знакомых Гоголя это оставалось тайной.

Некоторые из писателей, в том числе Петр Александрович Плетнев, которого Гоголь знал тогда еще только по имени, получили по экземпляру его поэмы; но автор не обозначил, от кого была прислана книжка. Он как бы спрятался за своим псевдонимом и ждал, какие будут отзывы о его поэме. Но знакомые молчали или отзывались о «Ганце…» равнодушно, а критик Николай Полевой прошелся по нему в своем журнале насмешкой, от которой сердце юноши-поэта невольно исполнилось скорбью. Он понял, что стихи – не его род сочинений, и отправился со своим верным слугой Якимом по книжным лавкам, где отобрал у книгопродавцев экземпляры книги и сжег все до одного.

Как работал Гоголь

Известно, что Гоголь по нескольку раз переписывал свои произведения, каждый раз внося в текст существенные исправления и добавления. Поэт и переводчик Николай Васильевич Берг в своих воспоминаниях приводит слышанное им самим от Гоголя поучение, как надо писать. «Сначала нужно набросать все как придется, хотя бы плохо, водянисто, но решительно все, и забыть об этой тетради. Потом через месяц, через два, иногда более (это скажется само собою), достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не так, много лишнего, а кое-чего и недостает. Сделайте поправки и заметки на полях – и снова забросьте тетрадь. При новом пересмотре ее новые заметки на полях, и где не хватит места – взять отдельный клочок и приклеить сбоку. Когда все будет таким образом исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тут сами собой явятся новые озарения, урезы, добавки, очищения слога. Между прежних вскочат слова, которые необходимо там должны быть, но которые почему-то никак не являются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не делайте ничего или хоть пишите другое. Придет час – вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тем же способом, и когда снова она будет измарана, перепишите ее собственноручно. Вы заметите при этом, что вместе с крепчанием слога, с отделкой, очисткой фраз – как бы крепчает и ваша рука; буквы становятся тверже и решительнее. Так надо делать, по-моему, восемь раз. Для иного, может быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки, непременно собственною рукою, труд является вполне художнически законченным, достигает перла создания».

«Творить без любви нельзя»

Екатерина Александровна Хитрово, одесская знакомая Гоголя, передает сказанные им слова: «Если мысли писателя не обращены на важные предметы, то в нем будет одна пустота. Надобно любовью согреть сердца; творить без любви нельзя… А что без любви написано, то холодно. Иногда бывает самодовольство: делаешь что-нибудь хорошо, доволен собою, а после увидишь, как недостаточно…»

Под гром бильярдных шаров

Тот же Берг вспоминал, как однажды на вечере у одного из московских литераторов кто-то из гостей, несмотря на принятое всеми знавшими Гоголя правило не спрашивать его ни о чем, особенно о сочинениях и литературных замыслах, не удержался и заметил ему, что это он смолк: ни строки, вот уже несколько месяцев сряду… Ожидали простого молчания, каким отделывался обычно Гоголь от подобных вопросов, или ничего не значащего ответа. Николай Васильевич грустно улыбнулся и сказал: «Да! Как странно устроен человек: дай ему все, чего он хочет, для полного удобства жизни и занятий, тут-то он и не станет ничего делать; тут-то и не пойдет работа!» Потом, помолчавши немного, он рассказал следующее:

«Со мною был такой случай: ехал я раз между городками Джансано и Альбано, в июле месяце. Среди дороги, на бугре, стоит жалкий трактир, с бильярдом в главной комнате, где вечно гремят шары и слышится разговор на разных языках. Все проезжающие мимо непременно тут останавливаются, особенно в жар. Остановился и я. В то время я писал первый том Мертвых Душ, и эта тетрадь со мною не расставалась. Не знаю почему, именно в ту минуту, когда я вошел в трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере, забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением».

Гоголь и дети

Дмитрий Погодин, сын историка Михаила Петровича Погодина, в московском доме которого не раз останавливался Гоголь, рассказывал, что Николай Васильевич очень любил детей и позволял им резвиться и шалить сколько угодно. «Бывало, мы, то есть я с сестрою, – вспоминал он, – точно службу служим; каждое утро подойдем к комнате Николая Васильевича, стукнем в дверь и спросим: “Не надо ли чего?” – “Войдите”, – откликнется он нам. Несмотря на жар в комнате, мы заставали его еще в шерстяной фуфайке поверх сорочки. “Ну, сидеть, да смирно”, – скажет он и продолжает свое дело, состоявшее обыкновенно в вязанье на спицах шарфа или ермолки или в писании чего-то чрезвычайно мелким почерком на чрезвычайно маленьких клочках бумаги. Клочки эти он, иногда прочитывая вполголоса, рвал, как бы сердясь, или бросал на пол, потом заставлял нас подбирать их с пола и раскладывать по указанию, причем гладил по голове и благодарил, когда ему угождали; иногда же бывало, как бы рассердившись, схватит за ухо и выведет на хоры: это значило – на целый день уже и не показывайся ему».

Соловьиная тайна

Тот же Дмитрий Погодин вспоминал: «Сад был у нас громадный, на десять тысяч сажен, и весной сюда постоянно прилетал соловей. Но для меня собственно вопрос состоял в том, будет ли он петь именно за обедом; а пел он большею частию рано утром или поздно вечером. Я с детских лет имел страсть ко всякого рода певчим птицам, и у меня постоянно водились добрые соловьи. В данном случае я пускался на хитрость: над обоими концами стола, ловко укрыв ветвями, вешал по клетке с соловьем. Под стук тарелок, лязг ножей и громкие разговоры мои птицы оживали: один свистнет, другой откликнется, и начинается дробь и дудка. Гости восхищались: “Экая благодать у тебя, Михаил Петрович, умирать не надо. Запах лип, соловьи, вода в виду, благодать, да и только”. Надо сказать, что Николай Васильевич был посвящен в мою соловьиную тайну и сам оставался доволен, когда мой птичий концерт удавался, но никогда, даже отцу, не выдавал меня».

Будьте как дети

Как-то раз Гоголя спросили, не лучше ли детям бегать и резвиться по воскресеньям, нежели ходить в церковь. На это он ответил: «Когда от нас требуется, чтобы мы были, как дети, какое же мы имеем право от них требовать, чтобы они были, как мы?»

В другой раз Гоголь сказал: «Всего лучше читать детям книги для больших, вот историю Карамзина с девятого тома».

Пряники из мыла

Сергей Тимофеевич Аксаков, путешествовавший вместе с Гоголем из Москвы в Петербург в 1839 году, рассказывал следующий забавный эпизод, приключившийся на дороге: «Не помню, где-то предлагали нам купить пряников. Гоголь, взявши один из них, начал с самым простодушным видом и серьезным голосом уверять продавца, что это не пряники; что он ошибся и захватил как-нибудь куски мыла вместо пряников, что и по белому их цвету это видно, да и пахнут они мылом, что пусть он сам отведает и что мыло стоит гораздо дороже, чем пряники. Продавец сначала очень серьезно и убедительно доказывал, что это точно пряники, а не мыло, и, наконец, рассердился».

Сапоги Гоголя

По свидетельству Льва Ивановича Арнольди, младшего брата (по матери) Александры Осиповны Смирновой, Гоголь имел пристрастие к сапогам и в «Мертвых душах» в лице поручика из Рязани, большого охотника до сапог, смеялся над собственной слабостью. «Кто поверит, – рассказывал Арнольди, – что этот страстный охотник до сапогов не кто иной, как сам Гоголь? И он даже нисколько не скрывал этого и признавался в этой слабости, почитая слабостью всякую привычку, всякую излишнюю привязанность к чему бы то ни было. В его маленьком чемодане всего было очень немного, а сапогов было всегда три, часто даже четыре пары, и они никогда не были изношены. Очень может быть, что Гоголь тоже, оставаясь у себя один в комнате, надевал новую пару и наслаждался, как и тот капитан (у Гоголя – поручик. – *В. В.*), формою своих сапогов, а после сам же смеялся над собою».

Лепажевское ружье

Павел Васильевич Анненков вспоминал: «Однажды при Гоголе рассказан был канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией и неутомимыми, усиленными трудами сверх должности накопил сумму, достаточную на покупку хорошего лепажевского ружья рублей в двести ассигнациями. В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу за добычей, положив драгоценное ружье перед собою на нос, он находился, по его собственному уверению, в каком-то самозабвении и пришел в себя только тогда, как, взглянув на нос, не увидал своей обновки. Ружье было стянуто в воду густым тростником, через который он где-то проезжал, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лег в постель и уже не вставал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших ему новое ружье, возвращен он был к жизни, но о страшном событии он уже не мог никогда вспоминать без смертельной бледности в лице… Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, исключая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслию чудной повести его “Шинель”, и она заронилась в душу его в тот же самый вечер».

Роскошный портфель

Александра Осиповна Смирнова, старая приятельница Гоголя, как-то раз предложила ему в подарок свой роскошный портфель, образцовое произведение английского магазина. «Вы пишете, – сказала она, – а в нем помещается две дести бумаги, чернильница, перья, маленький туалетный прибор и место для ваших капиталов». Гоголь, рассмотрев портфель с большим вниманием, ответил: «Да это просто подлец, куда мне с ним возиться. Отдайте лучше Жуковскому: он охотник на всякую дрянь».

Гоголь в Испании

Та же Александра Осиповна Смирнова вспоминала, как однажды она говорила с Гоголем о разных удобствах в путешествии и он сказал, что хуже всего на этот счет в Португалии, и советовал туда не ездить. «Вы как это знаете, Николай Васильевич?» – спросила она. «Да я там был: пробрался из Испании, где так же прегадко в трактирах», – отвечал он преспокойно. Александра Осиповна стала утверждать, что он не был в Испании, что этого не может быть, потому что там все в смутах, дерутся на всех перекрестках, что те, которые оттуда приезжают, много рассказывают, а он ровно никогда ничего не говорил. На все это Гоголь хладнокровно отвечал: «Зачем же все рассказывать и занимать публику? Вы привыкли, чтобы вам с первого раза человек все выкладывал, что знает и не знает, даже и то, что у него на душе».

Смирнова осталась при своем, что он не был в Испании, и меж ними сложилась шутка: «Это когда я был в Испании». В Испании Гоголь точно был, но проездом…

О Пушкине

Екатерина Александровна Хитрово в своем одесском дневнике приводит некоторые суждения Гоголя о Пушкине. Так, однажды при разговоре о пожаре Гоголь заметил: «Пушкин всегда ездил на пожары и любил смотреть, как кошки ходят по раскаленной крыше. Пушкин говорил, что ничего нет смешнее этого вида». При этом Гоголь добавил: «В самом деле, жалко бедных!»

В другой раз на вопрос княжны Репниной, был ли Пушкин импровизатор или творец, Гоголь ответил: «Пушкин был необыкновенно умен. Если он чего и не знал, то у него чутье было на все. И силы телесные были таковы, что их достало бы у него на девяносто лет жизни». И далее Гоголь сказал: «Я уверен, что Пушкин бы совсем стал другой. Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться».

Почему Гоголь сжег дневник

Та же Екатерина Александровна Хитрово однажды заметила Гоголю, почему бы ему не писать записок своих. Он ответил: «Я как-то писал, но, бывши болен, сжег. Будь я более обыкновенный человек, я бы оставил; а то бы это непременно выдали, а интересного ничего нет, ничего полезного, и кто бы издал, глупо сделал. Я от этого и сжег».

Русский Иерусалим

Михаил Александрович Максимович, один из ближайших друзей Гоголя, рассказывал о встрече с ним в Киеве летом 1835 года, после трехлетнего перерыва. По его словам, Гоголь уже тогда поразил его своей глубокой религиозной настроенностью. «Он пробыл у меня пять дней, – вспоминал Максимович, – или, лучше сказать, пять ночей: ибо в ту пору все мое дневное время было занято в университете, а Гоголь уезжал с утра к своим нежинским лицейским знакомцам и с ними странствовал по Киеву. Возвращался он вечером, и только тогда начиналась наша беседа… Нельзя было мне не заметить перемены в его речах и настроении духа: он каждый раз возвращался неожиданно степенным и даже задумчивым… Я думаю, что именно в то лето начался в нем крутой переворот в мыслях – под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у малороссиян XVII века назывался *Русским Иерусалимом*…»

О Тарасе Шевченко

Как-то в разговоре со своим земляком профессором Московского университета Осипом Максимовичем Бодянским Гоголь сказал: «Я знаю и люблю Шевченко как земляка и даровитого художника… Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту. Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые жваки. Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой невозможно». При этом Гоголь говорил: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня – язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан…»

Русская душа

Гоголю не нужно было выяснять, малороссиянин он или русский – в споры об этом его втянули друзья. В 1844 году он так отвечал на запрос Александры Осиповны Смирновой:

«Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Вареники по-украински

Как-то раз Гоголь, уже снискавший литературную славу, приехал к соседней помещице и застал там гостей. У помещицы был единственный семилетний сын, в котором она души не чаяла и давала ему свободу во всем. Закуска была на столе, подали кофе. В это время вошел сын хозяйки, бегавший с мальчишками в саду. «Чего ты, душечка, хочешь?» – спросила мать. «Варенькив хочу», – отвечал мальчик. «Ах, как можно так говорить! Говори, душечка, по-русски!» А тот еще настойчивее: «Варенькив хочу, дайте мини варенькив».

Мать сильно сконфузилась и не знала, что делать, давать ли сыну вареников, которые были в числе прочей закуски, или учить его говорить по-русски. Видя смущение матери, Гоголь сказал: «Зачем вы мешаете ему, пусть говорит он на своем родном наречии. Придет время, и всему прочему еще успеет научиться».

Гоголь и крестьяне

Ни при каких трудных обстоятельствах Гоголь не оставлял заботы о ближних, в том числе и о крестьянах. Ольга Васильевна Головня, сестра писателя, рассказывала, как однажды они были в церкви и Гоголь увидел, что священник раздал им просфоры, а крестьянам нет. Когда возвращались из церкви, он положил руку на плечо сестры и попросил, чтобы она велела к каждой службе печь по двадцать пять просфор, резать их на четыре части и отправлять в церковь, чтобы священник мог раздавать людям. При этом дал ей двадцать пять рублей, чтобы не брать у матери муку, и впредь обещал присылать денег.

Вместе с сестрой Гоголь заходил в избы мужиков, смотрел, как они живут; ездил на поле к жнецам. «В то время был плохой урожай, – вспоминала Ольга Васильевна, – и хлеб такой низкий был, что нельзя было жать, и они руками вырывали с корнями. Мы подъехали к жнецам, брат встал, подошел к ним, спрашивал: “Тяжелее рвать, как жать?” – “Жать легче, а рвать – на ладони мозоли поробилися”. А он сказал им в утешение: “Трудитесь, чтобы заслужить Царство Небесное”».

И по отъезде из Васильевки Гоголь не оставлял попечения о крестьянах. Та же Ольга Васильевна свидетельствовала: «Со временем брат присылал матери денег, чтобы она купила хоть по теленку тем мужикам, у кого не было скота, и мне прислал пятьдесят рублей, чтобы я по усмотрению своему помогала нуждающимся».

Как молился Гоголь

Григорий Павлович Галаган, богатый украинский помещик, живший в начале 1840-х годов в Риме, рассказывал, что Гоголь уже тогда показался ему очень набожным. «Один раз собирались в русскую церковь все русские на всенощную. Я видел, что и Гоголь вошел, но потом потерял его из виду и думал, что он удалился. Немного прежде конца службы я вышел в переднюю, потому что в церкви было слишком душно, и там в полумраке заметил Гоголя, стоящего в углу за стулом на коленях и с поникнутой головой. При известных молитвах он бил поклоны».

Гоголь верил в простоте сердца, так, как верит народ. Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская вспоминала, имея в виду пребывание Гоголя в Одессе зимой 1850/51 года: «У матери моей (княгини Варвары Алексеевны Репниной-Волконской. – *В. В.*) была домовая церковь. Гоголь приходил к обедне, становился в угол за печкой и молился “как мужичок”, по выражению одного молодого слуги, то есть клал поклоны и стоял благоговейно».

Молебен о здравии

Владимир Иванович Шенрок, биограф Гоголя, рассказывал со слов родственников писателя, что однажды в 1848 году, гостя у своих в Васильевке, он куда-то выехал из деревни, но вдруг, уже в половине пути, что-то вспомнил, вернулся домой, заказал в церкви молебен о здравии болящей рабы Божией Александры и сейчас же снова отправился в путь. Родные догадались, что он молился за Александру Осиповну Смирнову.

Гоголь и Евангелие

Известно, что Гоголь никогда не расставался с Евангелием. «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии, – говорил он. – Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось».

По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Ветхого Завета, а также Евангелие на церковнославянском, латинском, греческом и английском языках. Ольга Васильевна Гоголь-Головня вспоминала: «Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы, в экипаже читал Евангелие. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слыхала, чтобы он кого осудил».

Эмилия Ковриго, сирота, воспитанница матери Гоголя, рассказывала, что в ее отроческие годы Николай Васильевич учил ее грамоте, и когда выучил, то первой книгой, которую она с ним прочитала, было Евангелие. «И эти уроки и беседы о любви к ближнему, – вспоминала она, – так глубоко запали в мою детскую душу, что никакие невзгоды жизни не могли бы поколебать во мне веры в истину христианской любви, о которой он мне с такой силой говорил и которая на каждом шагу осуществлялась в семье Гоголей».

«Кажется, был когда-то Гоголем»

Марфа Степановна Сабинина, дочь православного священника Стефана Сабинина, рассказывает в своих записках о пребывании Гоголя вместе с графом Александром Петровичем Толстым в Веймаре летом 1845 года. Они пришли к ее отцу, и она в первый и последний раз видела знаменитого писателя. «Он был небольшого роста и очень худощав, – вспоминает она, – его узкая голова имела своеобразную форму – френолог бы сказал, что выдаются религиозность и упрямство. Светлые волосы висели прямыми прядями вокруг головы. Лоб его, как будто подавшийся назад, всего больше выступал над глазами, которые были длинноватые и зорко смотрели; нос сгорбленный, очень длинный и худой, а тонкие губы имели сатирическую улыбку. Гоголь был очень нервный, движения его были живые и угловатые, и он не сидел долго на одном месте: встанет, скажет что-нибудь, пройдется несколько раз по комнате и опять сядет. Он приехал в Веймар, чтобы поговорить с моим отцом о своем желании поступить в монастырь. Видя его болезненное состояние, следствием которого было ипохондрическое настроение духа, отец отговаривал его и убедил не принимать окончательного решения.

Вообще Гоголь мало говорил, оживлялся только, когда говорил, а то все сидел в раздумье. Он попросил меня сыграть ему Шопена; помню только, что я играла ему. Моей матери он подарил хромолитографию – вид Брюлевской террасы (бульвар на набережной Эльбы в Дрездене. – *В. В.*); она наклеила этот вид в свой альбом и попросила Гоголя подписаться под ним. Он долго ходил по комнате, наконец сел к столу и написал: “Совсем забыл свою фамилию; кажется, был когда-то Гоголем”. Он исповедовался вечером накануне своего отъезда, и исповедь его длилась очень долго. После Святого Причастия он и его спутник сейчас же отправились в дальнейший путь…»

Как постился Гоголь

Лев Иванович Арнольди свидетельствовал, что Гоголь был необыкновенно строг к себе и боролся со своими слабостями. Так, в Италии он сам бегал на кухню и учился приготовлять макароны. А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самой скудной пищей, и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел.

Историк Всеволод Андреевич Чаговец, хорошо знавший быт семьи Гоголей, рассказывал, что Николай Васильевич не превосходил набожностью своих родных, проникнутых с самых младенческих лет религиозным настроением. Лишь в отношении соблюдения поста он держался несколько иного взгляда; в постные дни, когда в деревнях готовились разнообразные постные блюда, различные винегреты и тому подобное, он даже иногда бывал недоволен. «Какой же это пост, когда все объедаются еще хуже, чем в обыкновенные дни?» – говорил он, отодвигая подальше блюдо с какой-нибудь заманчивой постной пищей…

О пользе поста

Графиня Анна Георгиевна Толстая (рожденная княжна Грузинская) была женщиной глубоко религиозной. Писатель Владимир Гиляровский передает со слов ее бывшей компаньонки Юлии Арсеньевны Троицкой, что графиня постилась до крайней степени, любила есть тюрю из хлеба, картофеля, кваса и лука и каждый раз за этим кушаньем говорила: «И Гоголь любил кушать тюрю. Мы часто с ним ели тюрю».

Настольной книгой графини были «Слова и речи преосвященного Иакова, архиепископа Нижегородского и Арзамасского» в четырех частях, изданные в 1849 году. На книге имелись отметки карандашом, которые делал Гоголь, ежедневно читавший Анне Георгиевне эти проповеди. По словам графини, она обыкновенно ходила по террасе, а Гоголь, сидя в кресле, читал ей и объяснял значение прочитанного. Самым любимым местом книги у Гоголя было «Слово о пользе поста и молитвы».

Звезда на горизонте христианства

Православный священник Иоанн Базаров, долгое время служивший в Германии, рассказывал, как однажды в 1847 году в Висбадене Гоголь обратил его внимание на то, что немцы строят русские православные храмы на горе, сказав при этом: «Как будто самый Промысл указывает на то, что Православная Церковь должна стоять выше всех других. И подождите недолго, – прибавил Николай Васильевич, – и она загорится звездою первой величины на горизонте христианства».

Образ Николая Чудотворца

В своих странствиях по миру Гоголь не расставался с иконой святителя Николая, своего небесного покровителя. Священник Петр Соловьев, находившийся в составе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, оставил воспоминания о встрече с писателем в январе 1848 года на пароходе «Истамбул», следовавшем к берегам Сирии. Гоголь показал ему образ святого Николая Чудотворца и спросил его мнения о качестве изображения. «По всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею, как святынею», – вспоминал отец Петр.

Мертвое море

Один из немногих рассказов Гоголя о его паломничестве к Святым местам передает Лев Иванович Арнольди. Как-то раз летом 1849 года, вспоминает он, когда они остались втроем, сестра попросила Гоголя рассказать что-нибудь о его путешествии в Иерусалим. «Теперь уже поздно, – отвечал он, – вам пора и на отдых, лучше когда-нибудь в другой раз. Скажу вам только, что природа там не похожа нисколько на все то, что мы с вами видели; но тем не менее поражает вас своим великолепием…»

И Гоголь рассказал о своем впечатлении от Мертвого моря, в которое впадает река Иордан и часть которого образовалась на том месте, где стояли некогда нечестивые города Содом и Гоморра: «Я ехал с Базили, он был моим путеводителем. Когда мы оставили море, он взял с меня слово, чтоб я не смотрел назад, прежде чем он мне скажет. Четыре часа продолжали мы наше путешествие от самого берега, в степях, и точно шли по ровному месту, а между тем незаметно мы поднимались в гору; я уставал, сердился, но все-таки сдержал слово и ни разу не оглянулся. Наконец Базили остановился и велел мне посмотреть на пройденное нами пространство. Я так и ахнул от удивления! Вообразите себе, что я увидал! На несколько десятков верст тянулась степь все под гору; ни одного деревца, ни одного кустарника, все ровная, широкая степь; у подошвы этой степи или, лучше сказать, – горы, внизу, виднелось Мертвое море, а за ним прямо, и направо, и налево, со всех сторон опять то же раздолье, опять та же гладкая степь, поднимающаяся со всех сторон в гору. Не могу вам описать, как хорошо было это море при захождении солнца! Вода в нем не синяя, не зеленая и не голубая, а фиолетовая. На этом далеком пространстве не было видно никаких неровностей у берегов; оно было правильно овальное и имело совершенный вид большой чаши, наполненной какою-то фиолетовою жидкостию».

После Иерусалима

Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская в своих воспоминаниях следующим образом описывает приезд Гоголя в их имение Яготино по возвращении из Иерусалима в 1848 году: «Лицо его носило отпечаток перемены, которая воспоследовала в душе его. Прежде ему были ясны люди; но он был закрыт для них, и одна ирония показывалась наружу. Она колола их острым его носом, жгла его выразительными глазами; его боялись. Теперь он сделался ясным для других; он добр, он мягок, он братски сочувствует людям, он так доступен, он снисходителен, он дышит христианством. Потом в Одессе я дала ему прочесть эти строки; он сказал мне: “Вы меня поняли, но слишком высоко поставили в своем мнении”».

Мощи святого Спиридона Тримифунтского

В монастыре Оптина Пустынь, которую трижды посетил Гоголь, сохранилось предание, пересказанное преподобным Амвросием. Во время пребывания в этой обители Гоголь поведал отцу Порфирию Григорову, издателю жития и писем затворника Задонского Георгия, что он видел мощи святого Спиридона Тримифунтского и был свидетелем происшедшего от них чуда. При нем мощи, которые были не только нетленны, но в продолжение пятнадцати веков сохраняли мягкость, обносились вокруг города, как это ежегодно совершается 12 декабря (по старому стилю) с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы прорезана и тело набальзамировано, потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиною. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие, в том числе и Николай Васильевич Гоголь.

О понимании природы души

В один из приездов в Оптину Пустынь Гоголь прочитал рукописную книгу – на церковнославянском языке – преподобного Исаака Сирина (с которой в 1854 году старцем Макарием было подготовлено печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ», принадлежавший графу Александру Петровичу Толстому, а после его смерти переданный иеромонаху Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в прелести (обольщении. – *В. В.*), это вздор, прирожденные страсти – зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении прирожденных страстей – теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о “гнилых словах”, здесь написанных. Мне чуялось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, – не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души».

Поселиться в скиту…

Преподобный Варсонофий Оптинский рассказывал в беседе со своими духовными чадами: «Есть предание, что незадолго до смерти Гоголь говорил своему близкому другу: “Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял…” – “Чего? Отчего потеряли вы?” – “Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?”»

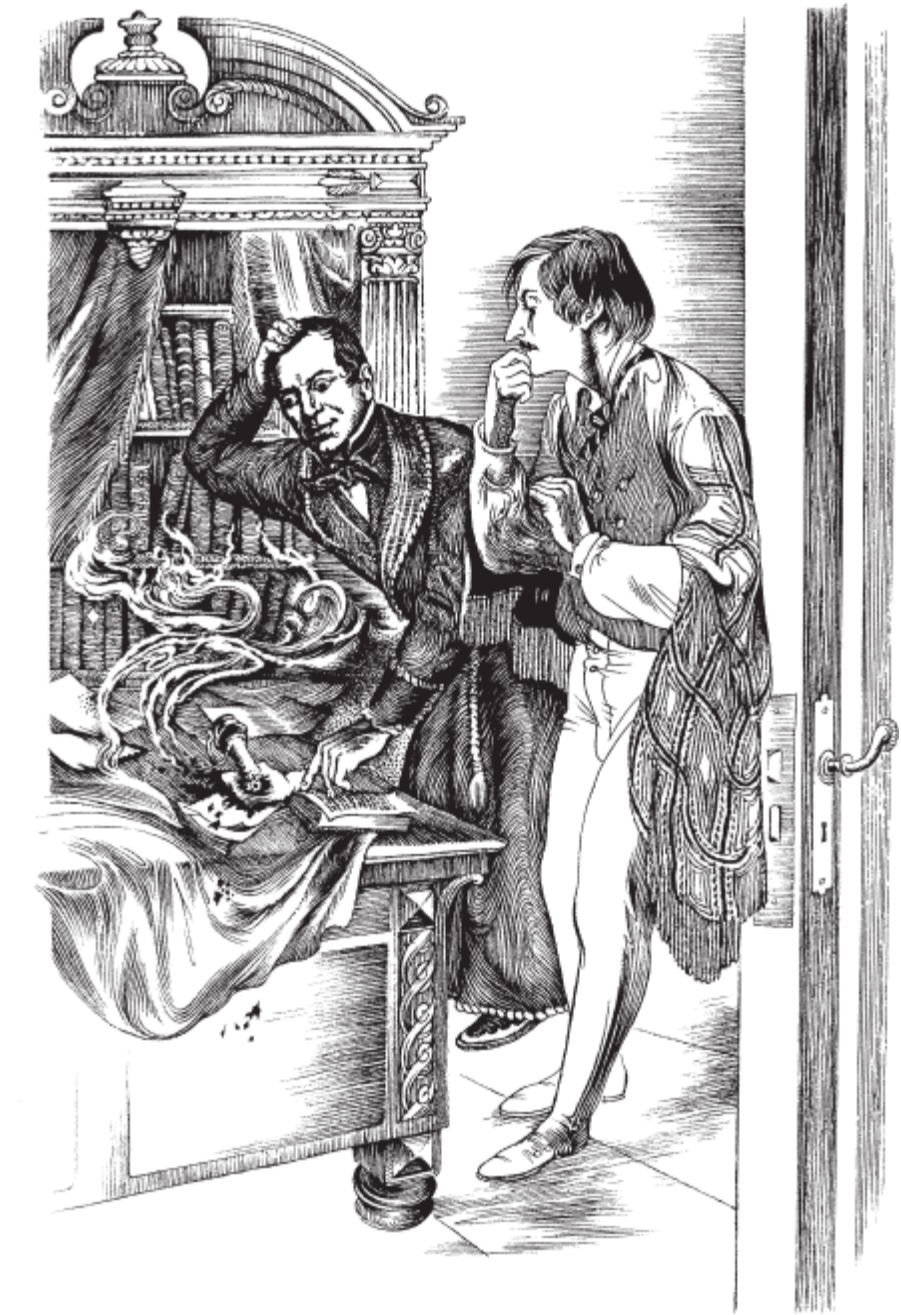
Это предание отчасти подтверждается свидетельством сестры Гоголя Анны Васильевны, которая писала Владимиру Шенроку, что брат ее мечтал поселиться в Оптиной Пустыни.

«Ищите Царствия Божия»

Екатерина Александровна Хитрово передает в своем дневнике, как однажды Гоголь читал вслух проповедь святителя Филарета, митрополита Московского, на евангельский стих: *Ищите Царствия Божия* (Лк. 12, 31). Святитель говорил о «краже», то есть несоблюдении, воскресных дней. По этому поводу Гоголь заметил: «Как это часто со мной случалось! А проку-то и не выходило. Когда внутренно устроен человек, то у него все ладится. А чтобы внутренно устроенным быть, надобно искать Царствия Божия, и все прочее приложится вам».

Дурной помысел

Гоголь сказал как-то: «Нельзя осудить человека в чем бы то ни было, сейчас сам то же сделаешь». Михаил Петрович Погодин рассказал случай, который как нельзя лучше подтверждает эту истину. Приехал к нему Гоголь из-за границы и поселился в комнате на верхней половине, над кабинетом. В доме Погодина находилось тогда его знаменитое древлехранилище (собрание древних рукописей, старопечатных книг и предметов старины), а он только что перед тем слышал, что Гоголь вместе с Николаем Боткиным чуть было не сожгли по неосторожности гостиницу, кажется, во Флоренции, позабыв потушить свечу или поставив ее близ занавесок. И потому, опасаясь за свои книжные сокровища, он боялся, чтобы Гоголь с такой же беспечностью и здесь не стал обращаться с огнем. Надо было предупредить его об осторожности, но как сделать это, не обидев и не огорчив Гоголя, человека щепетильного и обидчивого…



Два дня Погодин выискивал повод завести речь об осторожности и опасности – и что же? На третий день выходит он из спальни в кабинет и видит, что сам позабыл погасить свечку на конторке; она выпала из подсвечника, прожгла лист бумаги и кожу, которой была оклеена верхняя доска, но на ней и погасла. «Ты хочешь учить других осторожности, – как будто услышал он

внутри себя голос, – но прежде научись сам».

В эту минуту из противоположной двери идет ему навстречу Гоголь. «Ну вот, два дня я думал о том, – сказал Погодин, – как бы напомнить тебе об осторожном обращении с огнем, и вот что случилось со мной, посмотри. Я позабыл здесь свечку и произвел пожар». Хозяин дома был рад тому, что так удачно подвернулся случай напомнить другу об осторожности.

О церковнославянском языке

Екатерина Александровна Хитрово приводит сказанные Гоголем слова: «Как странно иногда слышать: “К стыду моему, должна признаться, что я не знаю славянского языка!” Зачем признаваться? Лучше ему выучиться: стоит две недели употребить».

«Ближе к родине небесной»

Долгое пребывание за границей не отрывало души Гоголя от России. Осенью 1850 года он писал дипломату и духовному писателю Александру Стурдзе из родной Васильевки: «Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия все мне становится ближе и ближе. Кроме свойства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы эта та земля, откуда ближе к родине небесной».

О патриотизме

Как-то зашел разговор об англичанах. Гоголь сказал: «Странно, как у них всякий человек особо и хорош, и образован, и благороден, а вся нация – подлец. А все потому, что родину свою они выше всего ставят».

Последнее свидание

Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская вспоминала, что последний раз видела Гоголя в четверг на Масленой, то есть 7 февраля 1852 года. «Он был ясен, но сдержан, – рассказывала она, – и всеми своими мыслями обращен к смерти; глаза его блистали ярче, чем когда-либо, лицо было очень бледно. За эту зиму он очень похудел, но настроение духа его не заключало в себе ничего болезненного; напротив, оно было ясным, более постоянно, чем прежде. Мысль, что мы его скоро потеряем, была так далека от нас; а между тем тон, с каким он прощался, на этот раз показался нам необычайным, и мы между собою заметили это, не догадываясь о причине. Ее разъяснила нам его смерть».

Начала аскезы

Со слов доктора Алексея Терентьевича Тарасенкова, наблюдавшего Николая Васильевича Гоголя во время его предсмертной болезни, известно, что он почти до самой смерти не ложился в постель, а оставался в креслах: «Несмотря на свое убеждение, что постель будет для него смертным одром (почему он старался оставаться в креслах), в понедельник на второй неделе поста (18 февраля. – *В. В.*) он улегся, хотя в халате и сапогах, и уже более не вставал с постели».

Можно думать, однако, что Гоголь сидел в креслах не из страха умереть в постели. Скорее это было в некотором роде подражанием монашескому обычаю проводить ночной отдых не на ложе, а на стуле, то есть вообще сидя (например, никогда не имел постели в своих келлиях преподобный Серафим Саровский. В новейшее время архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Максимович) ночью отдыхал только сидя).

Павел Васильевич Анненков, рассказывая о пребывании вместе с Гоголем в Риме летом 1841 года, пишет в своих воспоминаниях:

«Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этом сильное беспокойное чувство, которое выразить я, однако же, не смел перед Гоголем, а именно тогдашняя его причуда – проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диване и не ложась в постель.

Поводом к такому образу жизни могла быть, во-первых, опасная болезнь, недавно им выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторых, боязнь обморока и замирания, которым он, как говорят, действительно был подвержен. Как бы то ни было, но открыть секрет Гоголя, даже из благодушного желания пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Таким образом, Гоголь довольно часто, а к концу все чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетеный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в постели и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике вплоть до света, а со светом взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб общая наша служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрения о капризе жильца своего, в чем, однако же, успел весьма мало, как и следовало ожидать.

Обстоятельство это, между прочим, хорошо поясняет то место в любопытной записке Федора Васильевича Чижова о Гоголе 1843

года, где автор касается апатических вечеров Н. М. Языкова, на которых все присутствующие находились в состоянии полудремоты и после часа молчания или редких отрывистых замечаний расходились, приглашаемые иногда ироническим замечанием Гоголя: “Не пора ли нам, господа, окончить нашу шумную беседу…” Вечера эти могли быть для Гоголя началом самой ночи, точно так же проводимой, только без друзей и разговоров».

Завершает мемуарист свой рассказ следующими словами: «Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроения, развившегося впоследствии у Гоголя до необычайной степени, но путь для них был уже намечен».

Думается все-таки, что здесь было не начало, а уже некоторая полнота аскетического поведения Гоголя. Косвенным подтверждением этому могут служить упомянутые Анненковым воспоминания Ф. В. Чижова, общавшегося с Гоголем в Риме в 1843 году. Он, в частности, говорит:

«В каком сильном религиозном напряжении была тогда душа Гоголя, покажет следующее. В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. Я посещал ее иногда по нескольку раз на день и обыкновенно приносил известия о ней в нашу беседу, в которой все ее знали – Иванов лично, Языков по знакомству ее с его родными, Гоголь понаслышке. Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает: “Была ли она у святителя Митрофана?” Я отвечал: “Не знаю”. – “Если не была, скажите ей, чтоб она дала обет помолиться у его гроба. Сегодняшнюю ночь за нее здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня”. По моим соображениям, этот человек, должно было, был сам Гоголь…»

Ядовитое лекарство

Известно, что Гоголь внимательно следил за ходом болезни Екатерины Михайловны Хомяковой (жены Алексея Степановича Хомякова) и полагал, что ее неправильно лечат. Он часто навещал ее, свидетельствует в своих записках доктор Алексей Терентьевич Тарасенков, и, когда она была уже в опасности, при нем спросили у доктора Альфонского, в каком положении он ее находит. Тот отвечал вопросом: «Надеюсь, что ей не давали каломель, который может ее погубить?» Но Гоголю было известно, что каломель уже был дан. Он вбежал к графу Толстому и воскликнул: «Все кончено, она погибнет, ей дали ядовитое лекарство!»

Был ли Гоголь отравлен?

Недавно была предложена новая версия причины смерти Гоголя: он якобы был отравлен каломелем. «Особенность каломеля заключается в том, – пишет журналист Константин Смирнов, – что он не причиняет вреда лишь в том случае, если сравнительно быстро выводится из организма через кишечник. Если же он задерживается в желудке, то через некоторое время начинает действовать как сильнейший ртутный яд сулема. Именно это, по-видимому, и произошло с Гоголем: значительные дозы принятого им каломеля не выводились из желудка, так как писатель в это время постился и в его желудке просто не было пищи».

Однако из записок Тарасенкова следует, что каломель Гоголю давал доктор Клименков в ночь на 21 февраля, за несколько часов до кончины писателя, когда тот был уже в беспамятстве. Утверждение, что каломелем пичкал Гоголя каждый приступавший к лечению эскулап, произвольно и не подтверждается фактами. Невероятно предположить, что Гоголь стал бы принимать это «ядовитое лекарство» после случая с Хомяковой.

Тот же Тарасенков свидетельствует, что о лекарствах аптечных Гоголь «имел понятие как о ядах и решительно отказывался от них; если же и принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали о его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей».

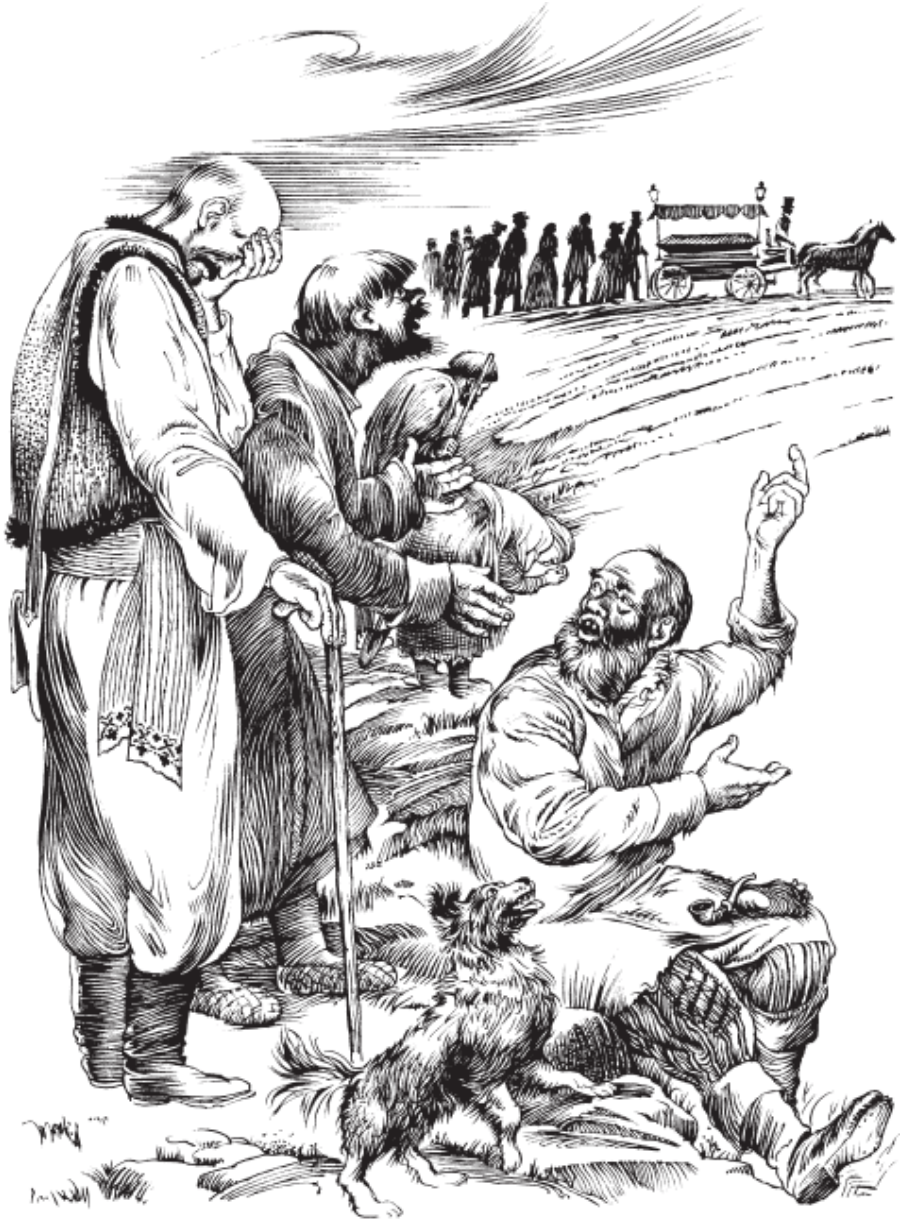
Забота о ближнем

За три дня до кончины Гоголя его навестил Владимир Осипович Шервуд, в ту пору молодой художник, впоследствии академик живописи и известный архитектор (по его проекту построено здание Исторического музея в Москве). «Я явился на его квартиру, чтобы узнать о его здоровье, – вспоминал он, – и Алексей Терентьевич Тарасенков передал мне все подробности. Положение было трагическое. Его подозревали в сумасшествии, его подозревали в каких-то изумительных болезнях, но, по свидетельству Тарасенкова, ничего подобного не было».

В это время к Гоголю приехал его старый знакомый московский гражданский губернатор Иван Васильевич Капнист. Он и еще несколько друзей находились в комнате, где, отвернувшись лицом к стене, на которой висел образ Богородицы, лежал Гоголь. Из неосторожного разговора присутствующих он ясно мог понять, что они считают его не в своем уме. В эту минуту Гоголь обернулся и сказал Капнисту: «У вас в канцелярии десять лет служит на одном месте чиновник, честный, скромный и толковый труженик, и нет ему ходу и никакой награды; обратите внимание на это, ваше превосходительство, хотя бы в мою память». Этим чиновником был сын священника Иоанна Никольского, духовника Гоголя.

Последнее напутствие

Александра Осиповна Смирнова рассказывала, как незадолго до кончины Гоголя она, будучи больна, получила от него записку. Он писал: «Не смущайтесь, вы воскреснете от болезни, повторяйте слова вашего друга майора Филонова, который, как вы мне сказали, повторял неустанно: “Христос воскресе, Христос воскресе”. Прощайте, добрый друг, Христос с вами и ныне, и присно, и во веки веков да будет».



У Престола Господня

Григорий Петрович Данилевский, автор исторических романов, лично знавший Гоголя и совершивший в мае 1852 года поездку на родину писателя, рассказывает в своих воспоминаниях, что местные крестьяне не хотели верить, что Гоголь умер, и среди них родилось сказание о том, что похоронен в гробе кто-то другой, а барин их будто бы уехал в Иерусалим и там молится за них.

В этом сказании есть глубокая духовная правда: Гоголь действительно переселился в Горний Иерусалим и там из своего чудного, но таинственного и неведомого нам далека, у Престола Господня, молится за всю Русскую землю, чтобы непоколебимо стояла она в Православной вере и чтобы больше было в ней правды и любви, – ведь это и являлось главной заботой великой души великого русского писателя.

Рубцов и Гоголь

Известно, что Гоголь был любимым писателем поэта Николая Рубцова. Как-то раз в Литературном институте, где учился Рубцов, на экзамене ему достался билет с вопросом о Гоголе. Поэт, знавший наизусть целые страницы из прозы Гоголя, был этому очень рад.

Экзамен принимал известный профессор Семен Иосифович Машинский, автор нескольких монографий о творчестве Гоголя. Отложив в сторону билет, Рубцов и профессор мирно беседовали, затем о чем-то стали спорить. Студент утверждал – профессор отрицал. Спор зашел в тупик. Тогда профессор заявил: «Ну хорошо. Если вы принесете мне книгу, где написано, что Гоголь так высказался, я тут же ставлю вам пятерку за экзамен».

Студент тотчас побежал в библиотеку, и профессор смог удостовериться, что Гоголь именно так и говорил, как утверждал поэт.

У Рубцова есть стихотворение, посвященное Гоголю:

Однажды Гоголь вышел из кареты
На свежий воздух. Думать было лень.
Но он во мгле увидел силуэты
Полузабытых тощих деревень.
Он пожалел безрадостное племя,
Оплакал детства светлые года,
Не смог представить будущее время —
И произнес: – Как скучно, господа!

По мотивам этого стихотворения художник Филипп Москвитин написал картину.